

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.151.67>

ИЗОЛЯЦИЯ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОБРАЗ МИРА В ЛИРИКЕ ГЕРТРУДЫ КОЛЬМАР

Научная статья

Мельникова И.М.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-7686-5834;

¹ Самарский государственный технический университет, Самара, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (ir.ma53[at]mail.ru)

Аннотация

В статье исследуется феномен изоляции, реализованной в социокультурном пространстве Третьего рейха как акт насилия. Объектом исследования оказывается творчество немецкоязычной поэтессы Гертруды Кольмар. Цель исследования – выявить трансформацию биографического опыта изоляции в поэтические образы изоляции. Научная новизна исследования заключается в том, что автор впервые проанализировал лирику Кольмар с позиции теории художественной деятельности автора. В результате показано то, что ей удалось создать образ мира, в котором изоляция позволяет сохранить человеческое в человеке. В этой гуманистической направленности, не в последнюю очередь, состоит нравственно-эстетическая ценность ее творчества.

Ключевые слова: изоляция, опыт изоляции, идентификация, обособление, насилие, диалог.

ISOLATION: BIOGRAPHICAL EXPERIENCE AND THE WORLDVIEW IN THE LYRICS OF GERTRUD KOLMAR

Research article

Melnikova I.M.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-7686-5834;

¹ Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

* Corresponding author (ir.ma53[at]mail.ru)

Abstract

The article explores the phenomenon of isolation fulfilled in the socio-cultural space of the Third Reich as an act of violence. The object of the study is the work of German-speaking poet Gertrud Kolmar. The aim of the research is to identify the transformation of the biographical experience of exclusion into poetic images of isolation. The scientific novelty of the study lies in the fact that the author for the first time analysed Kolmar's lyrics from the position of the theory of the author's artistic activity. As a result, it is shown that she managed to create an image of the world in which isolation allows preserving the human in people. This humanistic orientation, not in the least, is the moral and aesthetic value of her work.

Keywords: isolation, experience of isolation, identification, separation, violence, dialogue.

Введение

Специфической особенностью художественной культуры XX века становится актуализация опыта границы. Искусство, эстетически исследуя феномен границы и экспериментируя с ее функциональными свойствами, трансформирует опыт границы в языки границы, адекватные сознанию человека XX столетия. Эпоха культурного кризиса оказалась плодотворной для создания нового художественного языка, требующего нового подхода к изучению произведений. Возросший в последнее время интерес к немецкоязычной поэзии рубежа веков обнаруживает недостаточно сформированный инструментарий для более полного понимания художественных произведений этого периода.

Феномен границы как главная тема и образ творчества писателей и поэтов рубежа веков становится художественным языком. Поэт творит мир в соответствии со своими нравственными ценностями. Чтобы проследить формирование этико-эстетических ценностей поэта, попытаемся вслед за художником пройти его жизненный путь. Необыкновенно плодотворным материалом в плане осмысления трансформации опыта границы в язык границы предстает творчество яркой представительницы немецкоязычной лирики XX века Гертруды Кольмар.

Творчество Кольмар, пережившей в полной мере трагический опыт границы, представляет особый интерес, поскольку ее этико-эстетические представления формировались под влиянием бурных социальных и культурных событий в стране, а также ценностей, культивируемых в еврейской семье. Цель исследования – полнее раскрыть нравственную и эстетическую ценность творчества Кольмар, оценить ее вклад в мировую литературу.

Практическая польза данного исследования состоит в том, что граница показана как механизм формо- и смыслообразования, как методологический принцип организации произведения, который может быть использован в анализе художественного лирического текста. Впервые представлен подход к лирике Кольмар в аспекте теории художественной деятельности автора, как диалог художника с эпохой и собой. Исследованы формы реализации опыта границы в творческом акте, показан инструментарий, использованный при анализе художественного языка. Результаты исследования открывают возможности нового истолкования лирических произведений авторов зарубежной и отечественной литературы.

Методы и принципы исследования

Основанием исследования являются фундаментальные труды М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана, а также теория художественной деятельности автора, разработанная Н. Т. Рымарем совместно с В. П. Скобелевым. Такой подход позволяет представить творчество поэта как формирующий смысл, развиваемый в его диалоге с миром.

Понятие границы, восходящее к античности (Анаксимандр, Парменид, Аристотель) и семантически обогащенное на протяжении веков, в Новое время вызвало к себе усиленный интерес социально-экономической нестабильностью, обусловленной целым рядом научно-технических и географических открытий. Мощным стимулом образования нового оказывается изоляция как одна из формообразующих функций границы благодаря ее двойственной способности, разделяя, соединять. Изоляция – состояние, когда одно, отделенное от другого, лишено связей с другим. Вместе с тем отделение одного от другого позволяет быть как одному, так и другому, являя себя в каком-то новом качестве.

Основные результаты

Представление о «двусторонности» границы, выдвинутое еще Людвигом Витгенштейном [10, С. 13], в дискурсе национал-социалистов, стремительно пришедших к власти в тридцатые годы, игнорировалось. Активно эксплуатировалась изолирующая функция границы, обеспечивающая стабильность и сохранение собственности, отвечающая задачам дня: быстрое накопление капитала, развитие промышленности, ликвидация безработицы. Это соответствовало интересам большинства, поэтому вопрос, за чей счет решались экономические вопросы, не возникал.

В основание многочисленных законов и предписаний, строго регламентировавших социально-политическую жизнь немецких граждан в тридцатые – сороковые годы в Германии был положен принцип изоляции. Так, согласно партийной программе национал-социалистов граждане, имеющие в роду евреев, не признавались полноценными гражданами Германии и соответственно не имели право занимать публичные должности. Нюрнбергский закон (1935) запрещал браки между арийцами и неарийцами [9, С. 17].

Расистская идеология фашизма, принявшая форму антисемитизма, основывалась на принципе изоляции: люди обособлялись по национальному признаку, идентифицировались как вещи. Желтая звезда на одежде евреев служила знаком бесправия и исключения из общества. Евреям запрещалось появляться в общественных местах. Они лишались даже самых элементарных прав на свободу и жизнь. Для «окончательного решения еврейского вопроса» ("Entjudung") в Европе сооружались лагеря массового уничтожения, куда депортировались потенциальные враги: евреи, ученые, священники и деятели искусств. Тяжелейший труд, голод, эпидемии уносили тысячи жизней. В концлагерях активно применялись пытки, смертные казни, медицинские опыты, массовое истребление. Уже в 1937 году программа по «искоренению» евреев была выполнена на 96% [9, С. 40]. Немецкие, австрийские, польские, чешские, румынские евреи принудительно переселялись в изолированные поселения – гетто, где условия жизни узников мало отличались от существования в концлагерях.

Гертруда Кольмар (Gertrud Käthe Chodziesner) (1894 – 1943), родившаяся в обеспеченной еврейской семье известного адвоката в Берлине, из-за сильно развитого чувства еврейского самосознания никогда всерьез не планировала свою эмиграцию. Диплом учителя иностранных языков позволял ей время от времени работать воспитательницей. Свое увлечение поэзией Кольмар скрывала даже от своих близких. Первый тоненький томик ее стихов вышел осенью 1917 г. под псевдонимом «Кольмар». Так по-немецки называлось польское местечко, откуда был родом ее отец. Далекая от литературной жизни Берлина, она интересовалась проблемами сионизма и событиями французской революции. В 1933 году Элизабет Ланггессер опубликовала некоторые стихотворения Гертруды Кольмар. В 1934 и 1938 гг. вышли в свет еще два сборника стихов Кольмар: "Preussische Wappen" («Прусские гербы») и "Die Frau und die Tiere" («Женщина и звери»).

Вскоре семья Кольмар была вынуждена переселиться в берлинское гетто, тяжелый труд на военном производстве делал жизненные условия невыносимыми. Затем последовала депортация отца в Терезиенштадт, а в 1943 году она сама была депортирована в Освенцим.

Опыт изоляции, переживаемый Кольмар особенно остро из-за еврейского происхождения, находит поэтическую реализацию на всех уровнях произведения: от тематики до внутренней организации. Особый интерес представляет система поэтических образов изоляции Кольмар, в которых ей удалось преодолеть трагедию изоляции отдельного человека и целого поколения.

В эстетической деятельности способность границы придавать явлению самостоятельную значимость приобретает особенную ценность. Изъятое из общего ряда, освобожденное от устойчивых, необходимых связей, слово предстает, как бы само по себе, обнаруживая свою непохожесть на «другое». В акте изоляции происходит сотворение нового, отличного от того пространства, которому принадлежит творческий субъект, создается ситуация, коммуникативная по своей сути, когда читатель вынужден искать то отличие, на основании которого проведен автором акт изоляции, и он его находит. Сообщая явлению форму «определенной пространственной и временной конкретности» [4, С. 257], изоляция создает «возможность свободной формовки содержания» [2, С. 59–61]. Акт индивидуации, выводя вещь из небытия, из нерасчлененного потока, придавая тем самым явлению значимость, организует его внутреннее пространство и структурирует внешнее.

Изоляция в творчестве Гертруды Кольмар предстает как механизм коммуникативной ситуации. Обращение Кольмар к персонажам и мотивам, закрепленным в общекультурной памяти, позволяет историческому контексту выступать в качестве рамы, обеспечивающей возможность существования и самостоятельную значимость. Так, с персонажем христианской легенды позднего западноевропейского средневековья Агасфером входит мотив вечности. Согласно легенде Агасфер отказал Христу в кратком отдыхе, велел идти дальше. За это он сам был обречен безостановочно из века в век скитаться, испытывая презрение людей и не находя себе ни покоя, ни смерти. Так, установив Другому предел, Агасфер сам оказывается в изоляции.

В стихотворении Кольмар "Ewiger Jude" («Вечный еврей») Агасфер оказывается в изоляции из-за нечитаемой древнееврейской надписи на лбу, которую он не может видеть и о существовании которой только догадывается по

злобным взглядам окружающих его людей. Другой устанавливает ему предел, ставя взглядом на нем клеймо: «пришивает желтый знак на мои лохмотья» ("gelbes Zeichen auf meine Lumpen näht") [8, С. 214]. Знак избранности, выступая знаком позора, обнаруживает свою власть над человеком. Другой идентифицирует его как вещь, устанавливая на его теле знак исключения из общества. Знак регулирует отношения в обществе, регламентирует поведение носителя знака «избранности» и отношение к нему Другого. В повседневной жизни знак изоляции материализовывался в надписях, красовавшихся в хлебных магазинах, мясных и молочных лавках: «Евреям вход запрещен».

Повтор, выступая важным организующим фактором произведения, обладает также семантической функциональностью. Циклическое повторение разных элементов в одинаковых позициях дает возможность «приравнять неравное и раскрыть сходство в различном». Повторение одинакового позволяет раскрыть «мнимый характер этой одинаковости, установить отличие в сходном» [3, С. 45]. Средневековый Агасфер, изгоняя Другого, сам оказывается в роли гонимого. Агасфер Кольмар не знает причину гонения. Нечитаемая им самим надпись на лбу может рассматриваться как разрыв с прошлым, с традициями. Сопоставление современного Агасфера со средневековым персонажем актуализирует ситуацию изолирования. Тематизируется акт изоляции как акт насилия. Посредством «желтого знака» не-еврей устанавливает господство над «недочеловеком». Знак регулирует отношения в обществе, регламентирует и ограничивает. Человек как носитель знака опредмечивается, как, собственно, и обладающий правом устанавливать его на Другом (поскольку всегда существует опасность самому стать носителем знака), подобно Агасферу, средневековому персонажу и персонажу Кольмару. Сходство ситуаций изоляции и гонения, позволяет выявить несходство. Средневековому персонажу, изгнанному и ищущему смерти как избавления, противопоставлен Агасфер Кольмар, который изгнан и обречен на смерть уже тем, что он «избран». Агасфер Кольмар обладает конкретными свойствами. Это – старый, полумертвый человек: «... мои ребра жесткие, почти уже, как мертвые кости» ("... meine Rippen hart und faßbar schon wie Totenbein") [8, С. 213]. Он, одетый в рваный кафтан, испуган и неуверен: «я ощупываю беспомощными руками стены моего возвращения» ("...ich tast mit blöden Händen um die Mauern meiner Wiederkehr") [8, С. 213]. Глаза Агасфера ослепли из-за увиденных погромов и пожаров, глазницы забиты пеплом ("nur Aschenhöhlen") [8, С. 213].

Идентификация лирического «я» со средневековым образом не позволяет образу превратиться в абстракцию. Конкретика физической и душевной боли оживляют исторический персонаж, который, в свою очередь, личным страданиям придает общечеловеческий характер. Ситуация изоляции и преследования одного Другим повторяется из века в век.

В стихотворении "Die Aztekin" («Женщина-ацтек») проблема идентификации разрабатывается Кольмар в аспекте интимных отношений «я» – «ты», которые регулируются также с позиции силы. Личные отношения предстают как обезличивание, как лишение гендерных и личностных свойств одним по отношению к Другому и, следовательно, оказываются по сути насилием. Так, «красновато-коричневый» цвет кожи женщины ("rötlichbraunen Haut") [8, С. 96], влюбленной в испанца, вызывает у мужчины отвращение ("häßlich-sonderbaren Antlitz") [8, С. 97]. Его потребительское отношение к женщине, как к предмету, не ограничивается эмоциональным уровнем. Она рассказывает: он требует «полностью обмотать лицо тяжелым черным покрывалом, чтобы меня никто из представителей его народа не мог увидеть и испугаться» ("ganz umwinden mit schwerem schwarzen Schleier, daß mich keins aus deinem Volke mehr erblickt und fürchte") [8, С. 97]. Лишение лица отнимает у человека индивидуальность и идентифицирует его тем самым как вещь. Со стороны женщины отношения также не могут быть диалогическими, хотя она пытается выстраивать их в режиме «я» – «ты», но как личность она слепа и нема.

В рассказе Кольмар "Eine jüdische Mutter" («Еврейская мать») (1931) акт идентификации как тотальное подчинение себе Другого проявляется в еще более грубой и нечеловеческой форме. Речь идет об изнасилованном пятилетнем ребенке. Его лицо, превратившееся в ужас и крик, не только несет следы преступления, но и представляет этот порядок, позволяющий одному безнаказанно поглощать в себе Другого. Подобная стратегия, при которой Другой допускается лишь как объект потребностей, ведет к утрате «сущностной взаимности с субъектом потребностей», в результате происходит утрата ценностей, поскольку они живы только в междусубъектных отношениях [1, С. 103–110].

Парадигме, в которой идентификация осуществляется как акт насилия и подчинения одного Другим, Кольмар противопоставляет идентификацию с позиции «я», устанавливающего пределы «я» в режиме диалога с Другим. Тема изоляции разрабатывается посредством мотива одиночества. Лирическое «я» ("Die Einsame" – «Одинокая») ощущает свою изоляцию от Другого. Но ей уютно в ее пределах: «оно мне как согревающее платье» ("Sie ist so wie ein wärmendes Gewand / An mir geworden") [6, С. 201]. Лирическое «я» принимает одиночество как предопределенную неизбежность: «Неизвестный измерил его [платье – одиночество]» ("Ein Ungekannter hat ihr Maß gezirkt"). В «складки» платья вотканы «скорбь» и «горе», «как огромные лебеди с черными шеями» ("trübes Wehn"; "Die großen Schwarzhalsschwäne sind gewirkt / in ihre Falten") [6, С. 201]. В стихотворении не указываются причины одиночества, однако показаны стратегии взаимодействия лирического «я» и «одиночества», установившего пределы «я» в результате индивидуального опыта. Опыт не мертвое наследие, он увеличивается: «платье разбухает, и я должна расти» ("das Kleid schwillt nun / Und ich muß wachsen") [6, С. 201]. «Я» признает, что ей тоже необходимо подрасти, чтобы соответствовать платью. Установившиеся отношения можно рассматривать как диалоговые, как отношения взаимовлияния и взаимообмена, позволяющие «я», изменяясь, сохранить себя.

Тема изоляции как предела, которому лирическое «я» стремится соответствовать, разрабатывается и в стихотворении "Die Jüdin" («Еврейка»). Лирическое «я» также чувствует и осознает свое одиночество: "Ich bin fremd" («Я чужая») [6, С. 196]. Одиночество получает здесь социально-историческую перспективу. Изоляция предопределена лирическому «я» уже фактом рождения в еврейской семье. И границы эти устанавливаются со стороны Другого – не-еврея. Признавая отчуждение, лирический субъект также желает отгородиться, возведя вокруг себя башни: «Так как люди не осмеливаются обратиться ко мне, я хочу быть опоясана башнями» ("Weil sich die Menschen nicht zu mir wagen,

/ will ich mit Türmen gegürtet sein") [6, С. 196]. Стены, покрытые мхом, «как скала, омываемая тысячелетним потоком», охраняют ее «собственную древнюю страну», куда она готова «направить исследовательскую экспедицию» ("Ich möcht eine Forscherreise rüsten / In mein eigenes uraltes Land") [6, С. 196]. Однако ее отношение к тысячелетним традициям нельзя назвать однозначным. Лирическое «я» вынуждено признать, что «в сундуке, осыпанные пылью, / благородные одежды мертвы» ("Und in Truhen, verschüttet vom Staube, / Liegen die edlen Gewänder tot") [6, С. 197]. Примеряя их на себя, «я» замечает, что она мала и не узнает себя в этих одеждах. Благодаря мотиву несоответствия отдельного субъекта всему многообразию общечеловеческого опыта, прикоснувшись к которому, «я» восполняет себя как родовое существо, тема изоляции перспективируется. «И песня назовет меня по имени, которое мне снова подойдет» ("Und ein Lied will mit Namen mich heißen, / Die mir wieder gemäß") [6, С. 197]. В имени, принадлежащем общечеловеческой памяти, «я» находит свою идентичность. Возникшая перспектива позволяет лирическому «я» взглянуть на ситуацию с многовековой дистанции: «Мощные разрушающие смерчи дуют [...] над башнями. Бог позволяет им разрушаться / и стоять еще тысячелетия» ("Riesig zerstörende Windsäulen wehn, / [...]Über die Türme. Gott läßt sie verfallen / Und noch Jahrtausende stehn" [6, С. 197]. Так, опорой ей становятся «башни» не только древней тысячелетней еврейской, но и общечеловеческой культуры. Поэтически разработанный акт идентификации без насилия позволяет «я» сохранить собственную ценность, свой богатый внутренний мир, а значит, и свободу и воскликнуть: "Ich bin die Kröte / Und trage den Edelstein..." («Я жаба / и ношу в себе драгоценный камень») [7, С. 69–70].

Обсуждение

Анализ лирики Кольмар в аспекте теории деятельности автора ранее не проводился. Его применение позволяет полнее выявить нравственно-этическую направленность ее творчества. Травматический биографический опыт изоляции она трансформирует в образ мира, в котором открывается возможность иных сценариев событий. Модель идентичности, господствующей в социокультурном пространстве Третьего рейха и претендующей на абсолютное право владения истиной, опирается на гипертрофированную изолирующую функцию границы.

В поэтическом мире Кольмар учитывается двойственная природа границы: отделяя, изолируя одно от другого, граница соединяет. Благодаря изоляции внутреннее пространство структурируется, организуется, становится значимым. Признавать Другого, его своеобразие, но не сливаться с ним. В ее мире коммуникация «я» и Другой основана на субъект-субъектных отношениях, на которых возможен диалог. В условиях жестокого тоталитаризма, когда рядом шли страх и смерть, ее поэзия давала людям надежду.

Заключение

Подводя итоги, можно утверждать, что Кольмар удалось не только преодолеть трагедию изоляции отдельного человека и целого поколения, но и поэтически разработать гуманистическую модель идентификации. Эта модель требует душевного участия «я», чтобы понять личностную направленность и смыслы другого, сохраняя при этом собственную значимость и своеобразие.

Главная нравственно-эстетическая ценность лирики немецкоязычной поэтессы Гертруды Кольмар не в последнюю очередь состоит в том, что ей удалось трагический опыт изоляции – уникальный и одновременно универсальный – поэтически переработать в плоскость художественного языка и дать своим соотечественникам жизнеутверждающую перспективу.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества / Г.С. Батищев. — Санкт-Петербург : Рус. христиан. гуманист. институт, 1997. — 463 с.
2. Бахтин М.М. Проблема материала, содержания и формы в словесном художественном творчестве / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — Москва, 1975.
3. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста / Ю.М. Лотман. — Ленинград : Просвещение, 1972. — 271 с.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров Статьи. Исследования. Заметки / Ю.Л. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2004. — 704 с.
5. Gargano A. Gertrud Kolmar (1894-1943) / A. Gargano // Deutschsprachige Lyriker des 20. Jahrhunderts. — Berlin, 2007. — S. 220-227.
6. Gedichte berühmter Frauen Von Hildegart von Bingen bis Ingeborg Bachman / Hg. von Elisabeth Borchers. — Frankfurt am Main : Insel Verlag, 1996. — 311 s.
7. Gertrud Kolmar (1894 — 1943) // Deutsche Dichterinnen vom 16. bis zur Gegenwart / Hg. u. eingeleitet von G. Brinker-Gabler. — Frankfurt am Main : Fischer, 1978. — S. 320–321.
8. Kolmar G. Frühe Gedichte (1917-1922). Wort der Stummen (1933) / G. Kolmar. — München, 1980.
9. Riegel P. Drittes Reich und Exil. Bd. 10 / P. Riegel, W. Rinsum // Deutsche Literaturgeschichte. — Muenchen : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2004. — 303 s.

10. Schmitz-Emans M. Zur Semantik der Grenze und zu Formen der Grenzziehung / M. Schmitz-Emans // Poetik des Rahmens und der Schwelle: Funktionale Formen der Grenze in den Sprachen der Künste / Hg. v. Nikolaj Rymar. — Samara : Universität Samara Verlag, 2006. — S. 11–28

Список литературы на английском языке / References in English

1. Batishchev G.S. Vvedenie v dialektiku tvorchestva [Introduction to the dialectic of creativity] / G.S. Batishchev. — St. Petersburg : Russian Christian Humanitarian Institute, 1997. — 463 p. [in Russian]
2. Bakhtin M.M. Problema materiala, sodержaniya i formy v slovesnom hudozhestvennom tvorchestve [The problem of material, content and form in literary art] / M.M. Bakhtin // Voprosy literatury i jestetiki [Questions of Literature and Aesthetics]. — Moscow, 1975. [in Russian]
3. Lotman Yu.M. Analiz pojeticheskogo teksta [Analysis of the poetic text] / Yu.M. Lotman. — Leningrad : Prosveshchenie Publ., 1972. — 271 p. [in Russian]
4. Lotman Yu.M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashhih mirov Stat'i. Issledovaniya. Zametki [Semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds of the Article. Researches. Notes] / Yu.L. Lotman. — St. Petersburg : Iskusstvo–SPb, 2004. — 704 p. [in Russian]
5. Gargano A. Gertrud Kolmar (1894-1943) / A. Gargano // Deutschsprachige Lyriker des 20. Jahrhunderts [German-speaking poets of the 20th century]. — Berlin, 2007. — P. 220-227. [in German]
6. Gedichte berühmter Frauen Von Hildegart von Bingen bis Ingeborg Bachman [Poems of famous women. From Hildegart von Bingen to Ingeborg Bachman] / ed. by Elisabeth Borchers. — Frankfurt at Main : Insel Publishing House, 1996. — 311 p. [in German]
7. Gertrud Kolmar (1894 - 1943) // Deutsche Dichterinnen vom 16. bis zur Gegenwart [German poets from the 16th to the present] / Ed. and introduced by G. Brinker-Gabler. — Frankfurt am Main : Fischer, 1978. — P. 320–321. [in German]
8. Kolmar G. Frühe Gedichte (1917-1922). Wort der Stummen (1933) [Early poems (1917-1922). The word of the mute (1933)] / G. Kolmar. — Munich, 1980. [in German]
9. Riegel P. Drittes Reich und Exil. Bd. 10 [Third Reich and exile. Bd. 10] / P. Riegel, W. Rinsum // Deutsche Literaturgeschichte [German literary History]. — Munich : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2004. — 303 p. [in German]
10. Schmitz-Emans M. Zur Semantik der Grenze und zu Formen der Grenzziehung [On the semantics of the boundary and on forms of boundary drawing] / M. Schmitz-Emans // Poetik des Rahmens und der Schwelle: Funktionale Formen der Grenze in den Sprachen der Künste [Poetics of the frame and the threshold: Functional forms of the boundary in the languages of the arts] / ed. by Nikolaj Rymar. — Samara : Samara University Publishing House, 2006. — P. 11–28 [in German]